

Улуханов И. С. О некоторых принципах морфемного анализа слов // Изв. АН СССР, отд-е лры и языка. М., 1963. Т. 22. Вып. 3; Василевская Е. А. Словообразование в русском языке. М., 1962; Шанский Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

² См.: Григорьев В. П. Указ. соч. С. 43.

³ См.: Герд А. С. Русская морфология и машинный фонд русского языка // ВЯ. 1986. № 6. С. 90 и далее.

⁴ Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 26.

⁵ Обратный словарь русского языка. М., 1974. С. 8.

⁶ Шанский Н. М. Указ. соч. С. 261.

⁷ Там же.

⁸ См.: Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 110.

С. М. ПРОХОРОВА

АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИСА ПЕРЕХОДНОЙ РУССКО-БЕЛОРУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗОНЫ

Синтаксический уровень в наибольшей степени причастен к реализации языковой функции создания текста, в силу чего даже в сравнительно небольшой языковой зоне выявляются все возможности данного уровня, соотносимые с обширной зоной языков, так как любая языковая зона дает полный синтаксический материал, находящийся либо не находящийся продолжение на все более обширной языковой зоне; при этом изучаемая зона как бы высвечивается на широчайшем фоне, который можно расширять, включая все новые и новые языки.

Для характеристики нами была выбрана языковая зона, непосредственно прилегающая к Белоруссии. В эту зону вошли десять районов Смоленской области. Это территория, на которой, по данным исследователей, сконцентрированы кривичские могильники с длинными курганами (к югу исследуемой территории концентрация могильников уменьшается)¹. По предположениям исследователей (в частности В. В. Седова), большинство длинных курганов на Смоленской земле, которые датируются здесь в основном VIII—IX веками, сосредоточены в бассейне Зап. Двины. Расселение кривичей шло с северо-запада, постепенно длинные курганы проникают в верховья р. Сож. Таким образом, по предположению В. В. Седова, исследуемая нами территория была одним из основных районов расселения кривичей.

Описываемая языковая зона была обследована на широком славянском, прежде всего восточнославянском, и балтийском фоне. Таким образом, в сферу изучения попала обширнейшая зона, в результате чего обследование велось по принципу «зона в зоне». Такой подход оказался продуктивным, не замкнутым территориально, позволяющим уяснить важность пристального изучения малых зон, что даст возможность в дальнейшем определить место отдельных зон в современной Славии².

Говоры исследуемой территории переходные русско-белорусские. Рассмотрение небольших территорий на широком фоне позволяет не только отметить незамкнутость и в то же время специфику данной территории, но и учесть факторы, ускользающие от внимания при рассмотрении обширных территорий. Кроме того, анализ языковых фактов позволяет сделать выводы и о генезисе изучаемых говоров. Еще в 1956 году в дискуссии о субстрате Б. Б. Пиотровский пришел к выводу о том, что «диалекты языка могут образоваться не только путем территориального распада этого языка, но и в процессе ассимиляции этим языком (на части территории его распространения) другого языка»³. Предположение Б. Б. Пиотровского получило развитие в работах Г. А. Хабургаева, доказавшего, что восточнославянское языковое единство оформилось из неоднородных по происхождению компонентов⁴.

Характеризуя рассматриваемую нами языковую зону, лингвисты, как

правило, не привлекают синтаксические данные (или привлекают единичные). Отдельные наблюдения над синтаксисом на основе материалов В. Н. Добровольского приведены в работе П. А. Расторгуева, а также А. И. Ивановой⁵. Конечно же, синтаксический материал говоров представлен в ДАРЯ и ОЛА, а также в обобщающих работах И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко. По говорам Смоленщины собран большой фактический материал в виде текстов В. Н. Добровольским и П. В. Шейном, а в настоящее время смоленскими диалектологами.

В конце 60-х годов автор статьи ознакомился с богатой картотекой Смоленского областного словаря, несколько выпусков которого (под редакцией А. И. Ивановой) уже увидели свет.

В обследованных нами говорах отмечены почти все диалектные синтаксические особенности, которые согласно картам ДАБМ характеризуют северо-восточный диалект белорусского языка (особенно Витебско-Могилевскую группу)⁶. Но на обследованной территории выявляется неосознанный русско-белорусский билингвизм. Носители говоров считают всегда, что говорят «по-русски», в то время как очень часто на всех языковых уровнях, в том числе и на синтаксическом (что нашло отражение и в составленных нами картах), параллельно употребляют как русские, так и белорусские конструкции, формы, лексемы и т. п. Иногда это поддерживается белорусским влиянием на диалектном уровне. В результате обследования около 200 населенных пунктов (из них 63 отобрано для картографирования) мы пришли к выводу, что в целом принятая в настоящее время в науке группировка говоров отражает тот факт, что на данной территории объединены микросистемы говоров в основном однотипных, но в то же время языковые факты свидетельствуют о некоторой условности любой группировки говоров.

Что касается синтаксического уровня, то большая часть синтаксических особенностей включает рассматриваемую территорию в обширный ареал (с востока, запада, севера или юга). Это во многом зависит от синтаксического поля⁷.

Особенностью вертикального поля предиката является отсутствие диалектных черт узкого распространения. Исследуемая территория включается в широкий то западный, то восточный ареал. К примеру, с одной стороны, на этой территории повсеместно отмечена русская (восточная) новация — конструкция типа *Бурей вырвало дерево*, а с другой стороны, балто-славянские новации типа *Пашоўшы сын у партызаны* включают эти говоры в обширный западный ареал. В этом поле отмечено относительно немного диалектных особенностей, поле отличается стабильностью на больших территориях⁸. Как и в поле предиката, в вертикальном поле субъекта не отмечены черты узкого распространения. Но в отличие от поля предиката поле субъекта включает исследуемую зону в основном в русский (восточный) ареал.

Вместе с тем отмечены диалектные особенности (преимущественно внутри синтаксического поля объекта или обстоятельственных полей), которые дают изоглоссы даже на такой сравнительно небольшой территории, как обследованная. Представленные на картах * небольшие ареалы тем не менее могут включаться в достаточно обширные, причем не только славянские, но и балтийские. К примеру, в изучаемых говорах, наряду с конструкцией *пайтí к сасёду* иногда употребляется параллельная *пайтí да сасёда*. Эта новация распространилась с запада, со стороны польского языка, в котором предлог *do* является исключительно продуктивным. Новация захватила большую часть украинской территории, запад Белоруссии (на востоке Белоруссии конструкция употребляется параллельно с предлогом *к + дат.*, фактически как и на западе Смоленщины), часть русских говоров, а также латышские (латгальские) говоры, о чем свидетельствовал еще Я. Эндзелин, а в настоящее время А. Рекена.

Новации в поле объекта охватывали как большие территории, так и

* Четыре карты будут помещены в одном из последующих номеров журнала.

более мелкие, что отличало это поле, как и обстоятельственные поля, от описанных полей предиката и субъекта. Несмотря на тесную семантическую связь субъект — предикат — объект, поле объекта формировалось по своим законам⁹, из него выделились обстоятельственные и переходные объектно-обстоятельственные поля. В поле объекта больше всего отмечено так называемых «синтаксических балтизмов», которые встречаются также и в составе поля предиката. Что касается поля субъекта, то оно в рассматриваемых говорах сформировалось в основном по русскому типу, за исключением появления на периферии поля балто-славянской новации *моя голова болит* (центр — литовская территория)¹⁰. На исследуемой нами территории так называемые «синтаксические балтизмы» немногочисленны, но употребляются носителями говоров достаточно активно, часто параллельно со славянскими конструкциями, что отражает историю развития этих говоров. На этой территории выявился латышский (преимущественно латгальский) субстрат. Сгущение балтийских черт (и не только на синтаксическом уровне) отмечено в бассейне р. Сож и ее притока р. Вихра. На исследуемой территории представлены как бы две «балтийские» зоны. В зоне с центром в бассейне р. Сож балтизмы выявлены на всех языковых уровнях, здесь встречаются микросистемы, в которых употребляются только соответствующие литовским синтаксические конструкции. Во второй зоне с центром в бассейне р. Зап. Двина на всех языковых уровнях выявляется латышский (преимущественно латгальский) субстрат. Таким образом, рассмотрение небольших диалектных территорий на широком славянском и балтийском фоне с целью выявления в них синтаксических балтизмов представляется перспективным в плане более глубокого понимания связей балтов и славян. Выявленные нами конструкции имеют достаточно широкий ареал распространения.

Что касается сложного предложения, то балтизмы здесь отсутствуют. Сложное предложение сформировалось на исследуемой территории по переходному русско-белорусскому типу, причем в одних полях преобладают русские, а в других белорусские средства связи (соотношение примерно 1 : 1), встречается и параллельное употребление русских и белорусских средств. В отдельных полях функционируют восточнославянские или даже общеславянские средства связи (последние единичны, в частности союз *бо*). Часть союзных средств имеет на восточнославянской территории большой ареал распространения, и, кроме белорусской, встречается и на украинской территории¹¹.

Так выглядит общая характеристика синтаксиса исследованной языковой зоны. Но в некоторых микросистемах отмечены единичные конструкции, образующие точечные ареалы. В частности, на исследуемой территории отмечена восточная (русская) конструкция типа *учиться на тракториста*, но на западе Руднянского района, на границе с Белоруссией, четко выявляется ареал параллельного распространения конструкций *учиться на тракториста* и *учиться за тракториста*, встречающаяся в белорусских, некоторых западнославянских, южнославянских, а также балтийских говорах. И только в одном пункте в бассейне р. Сож (д. Гоголевка Монастырщинского района) отмечена конструкция *учиться учительницей*. В этом же пункте зафиксирована единичная конструкция *смеяться против кого*. Кроме деревни Гоголевка Монастырщинского района, точечными ареалами характеризуются еще пять пунктов Демидовского, Краснинского, Руднянского и Шумячского районов. Таким образом, шесть пунктов из 63 картографированных как бы выпадают из общего контекста ареалов, характеризующих поля предиката, объекта и отдельных обстоятельств.

Как уже указывалось, многие пункты обследованной «вибрационной» зоны характеризуются дублетными конструкциями, отражающими оппозиции русское — белорусское, восточное — западное, славянское — балтийское и т. п. Но в семи пунктах из 63, картографированных для выражения одного значения, отмечается по три или даже четыре конструкции.

К примеру, при глаголах движения в одном и том же значении отмечено по три конструкции в д. Понизовье и Хомино Руднянского района, д. Понятровка Шумячского района, по четыре конструкции в д. Блинные Кучи Ершичского района, Черепово Хиславичского района, Русское Шумячского района.

Спорадически на исследуемой территории встречаются архаичные, реликтовые конструкции. Такие конструкции встречаются в составе почти всех синтаксических полей, но больше реликтовых явлений сохранилось в поле субъекта.

Характеристика синтаксического уровня описанной переходной русско-белорусской зоны отражает результат предшествующего дивергентно-конвергентного развития этой зоны. Синтаксический материал, несмотря на свою специфику, подтверждает предположение тех ученых, которые считают, что новые языки возникают не в процессе распада первичных языков, а являясь продуктом предшествующего дивергентно-конвергентного развития. Одним из первых такое предположение высказал в свое время И. А. Бодуэн де Куртене, затем Н. С. Трубецкой, а в настоящее время эта точка зрения становится все более и более популярной¹². Образование переходных языковых зон происходит также в результате сложных дивергентно-конвергентных процессов¹³.

¹ См. карту «Территория кривичей смоленских в VII—X вв.», помещенную В. В. Седовым в кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 242.

² Фактически изучение сравнительно небольших языковых зон — возвращение к истокам лингвистической географии (карта Срезневского-Геденова).

³ Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX. М., 1956. С. 124.

⁴ Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. С. 70—115.

⁵ Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960; Иванова А. И. Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Новая серия. Вып. 1.

⁶ См. также: Лінгвістычная геаграфія і групы беларускіх гаворак. Мінск, 1968. С. 183—185, 189—190; Блінава Э., Мяцельская Е. Беларуская дыялекталогія. Мінск, 1969. С. 163—164.

⁷ Определение синтаксического поля дано автором в журнале: *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 1. С. 26—27.

⁸ Подробнее о поле предиката и субъекта см.: Прохорова С. М. Синтаксические поля предиката и субъекта в Смоленских говорах // *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 3.

⁹ Подробнее см.: Прохорова С. М. Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины // *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 1.

¹⁰ О синтаксических балтизмах на рассматриваемой территории см.: Прохорова С. М. Изучение диалектного синтаксиса славянских языков методом лингвистической географии // Советское славяноведение. 1986. № 3; Она же. О так называемых «синтаксических балтизмах» в восточнославянских говорах // *Kalbotyra*. 1987. Т. 38 (2); Она же. О так называемых «синтаксических балтизмах» // *Baltistica*. 1988. XXIV (1).

¹¹ Подробнее см.: Прохорова С. М. Сложное предложение в говорах Смоленщины // Русский язык: Межведомственный сборник. Минск, 1987. Вып. 7.

¹² См.: Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков // *ЖМПН*. 1901. № 337.

¹³ Теоретически эту идею разрабатывает американский славист Х. Бирнбаум, подробно изложивший разные точки зрения в статье: Бирнбаум Х. Славянская пра-родина: новые гипотезы (с замечками по поводу происхождения индоевропейцев) // *Вопр. языкознания*. 1988. № 5.

Б. Ю. НОРМАН, А. ГУГХРАБУ

К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ МЕСТОИМЕННИЙ

Местоимения представляют собой чрезвычайно своеобразный класс языковых единиц, и важнейшая теоретическая проблема, которая встает здесь перед исследователем, — это проблема описания их семантической сущности. Некоторые ученые считают, что основное отличие местоимений от знаменательных слов состоит в том, что последние выражают понятие, а первые такой способностью не обладают¹. В этом случае лексическое значение местоимений сводится к отсылке к однозначному